

Градобоева А. А. (Екатеринбург, УРГПУ)

*Жанровая специфика чеховского «рассказа открытия»
в концепции В. Б. Катаева*

Аннотация. В статье рассматривается жанровое своеобразие чеховского рассказа второй половины 1880-х годов, отличного от ранних юмористических жанров. Обобщаются наблюдения литературоведов над изменениями формы рассказа А. П. Чехова в переходный период творчества. Анализируется продуктивный подход В. Б. Катаева, предложившего определение данному типу малой прозы Чехова 1885-1887 годов – «рассказ открытия». С опорой на размышления исследователя выделяются жанровые признаки данного типа чеховского рассказа: особый тип героя; «житейская мелочь», дающая толчок сознанию героя; «открытие» как «главное событие рассказа»; оппозиция «казалось – оказалось»; однотипная развязка, когда герой впервые задумывается о своей жизни.

Ключевые слова: русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, рассказы.

Gradoboeva A. A. (Yekaterinburg, USPU)

*Genre specificity of Chekhov's «the story of discovery»
in the concept of V. B. Kataev*

Abstract. The article considers the genre peculiarity of Chekhov's story of the second half of the 1880s. It is different from the early humorous genres. Observations of literary critics are generalized on changes in the form of the story of A. P. Chekhov in the transitional period of creativity. There is analyzation of productive approach of V. B. Kataev, who proposed the definition of this type of small prose of Chekhov (1885-1887) – «The story of discovery». Based on the researcher's reflections, the genre features of this type of Chekhov's story are distinguished: a special type of hero; «everyday trifle», which gives impetus to the hero's consciousness; «discovery» as «the

main event of the story»; opposition «it seemed – it turned out»; the same type of outcome, when the hero first thinks about his life.

Keywords: Russian literature, Russian writers, literary works, literary genres, stories.

Изучение специфики чеховской прозы, в первую очередь, связано с вопросом о периодизации творчества писателя. В ряду существующих подходов (Ю. В. Соболева, И. Н. Сухих, В. Я. Линкова и других), на наш взгляд, наиболее точно логику творческой эволюции А. П. Чехова отражает периодизация, предложенная А. П. Чудаковым. Литературовед выделяет 3 этапа творческого пути писателя, руководствуясь, в первую очередь, изменениями в повествовательной структуре чеховской прозы: 1880-1887 гг., 1888-1894 гг., 1895-1904 гг. Наш исследовательский интерес связан с первым из обозначенных периодов творчества писателя.

Как известно, Чехов дебютировал на страницах журналов 1880-х гг.: «Зритель», «Будильник», «Мирской толк», «Свет и тени» и др. Основным жанром первого периода творчества писателя становится традиционный для массовой литературы того времени короткий рассказ – сценка, анекдот, основой сюжета которого служит забавное или нелепое происшествие, любопытный или смешной случай из жизни.

Но при этом А. П. Чудаков замечает, что с 1885 г. происходят достаточно резкие изменения в чеховской манере повествования. Теряются главные структурные признаки, характерные для первого пятилетия: в описание начинают проникать «любые произвольные рассуждения, оценки» [Чудаков 1971: 37], восклицания рассказчика, обращения к читателю. В 1886 году появляются рассказы, где «психологию главного героя повествователь изображает, непосредственно проникая внутрь его сознания, чувства же и мысли остальных персонажей – только через внешние проявления» [Там же: 41]. А в 1887 году чеховский тип повествования сменяется на объективный, «в котором устранена субъективность рассказчика и господствуют точка зрения и слово героя» [Там же: 56].

Периодизация чеховского творчества, предложенная Чудаковым, помогает наиболее точно проследить творческую эволю-

цию писателя: определить границы «переходного периода» в конце первого этапа, понять логику жанрово-стилевого поиска писателя. При этом нельзя не заметить, что, несмотря на разные точки зрения в выделении количества этапов творчества Чехова, многие исследователи единодушны в определении хронологических границ первого периода, а также в понимании переходного характера в конце первого периода творчества: изменения чеховского героя, стиля повествования, образа автора видят (наряду с А. П. Чудаковым) такие литературоведы, как И. Н. Сухих, Ю. В. Соболев, В. Я. Линков.

Так, например, В. И. Линков отмечает, что в творчестве Чехова наряду с привычными юмористическими начинают появляться герои, решающие общие проблемы, и раскрывает это на примере рассказа «Хорошие люди» (1886): конфликт состоит в том, что «жизнь человека оказывается загубленной ради мертвого дела, совершенно искренне принимаемого им за высокое творческое призвание» [Линков 1982: 18]. Обращает внимание исследователь и на рассказ «Знакомый мужчина» (1886), где героиня начинает осознавать свое истинное положение, «остро осознавать свое «я»» [Там же: 20].

Г. П. Бердников заметил более глубокое проникновение Чехова во внутренний мир героев и окружающую социальную действительность в рассказе «Хористка» (1886), где «комедийная ситуация вдруг раскрывается своей другой – драматической стороной» [Бердников 1984: 43]. На материале этого же рассказа И. Н. Сухих делает выводы о том, что в подобных рассказах чеховский герой не всегда является «прозревающим», остается самим собой, но «всегда есть некое нарушение читательского ожидания, отклонение от привычного хода вещей, создающее парадокс» [Сухих 1987: 65].

Таким образом, большинство исследователей замечает, что чеховский рассказ в конце первого периода творчества писателя обретает некую другую форму. Чеховеды останавливают свое внимание на происходящих изменениях в позиции автора, взаимодействии внутреннего мира героя с внешним и т. д. Рассказ становится глубже по своей тематике, освещаются острые социальные проблемы, обстоятельства, в которых находится чеховский герой.

Особо пристальное внимание на данный тип рассказов Чехова обратил В. Б. Катаев. Ученый заметил, что ряд рассказов писателя 1885-1887 годов при различии фабул и героев объединены сходством построения и темой, и увидел в данных рассказах особый жанр чеховской прозы, дав ему определение – «рассказ открытия», рассмотрению которого посвятил одну из глав своей работы «Проза Чехова: проблемы интерпретации».

По мнению исследователя, под определение «рассказ открытия» попадают следующие рассказы Чехова: «Тапер», «Переполах», «Кошмар», «Знакомый мужчина», «Хористка», «Житейская мелочь», «Сестра» (впоследствии «Хорошие люди»), «Следователь», «Его первая любовь» (впоследствии «Володя»), «Ненастье», «Без места», «Почта» и др. Это рассказы «о сдвиге в сознании человека» и последующем открытии, совершаемом героем [Катаев 1979: 11].

Опираясь на размышления В. Б. Катаева, мы выделили следующие жанровые признаки данного типа чеховского рассказа:

герой: «обыкновенный человек, погруженный в будничную жизнь»;

«пустячный случай», «житейская мелочь», которая дает толчок сознанию героя;

«открытие» как «главное событие рассказа»;

оппозиция «казалось – оказалось» (внутренняя метаморфоза героя);

однотипная развязка: герой впервые задумывается о своей жизни.

Первый жанровый признак – это **специфика героя**. Согласно концепции В. Б. Катаева, герой данного типа рассказа – «обыкновенный человек, погруженный в будничную жизнь» [Там же: 11]. При этом следует отметить, что данные чеховские герои разнообразны. Они отличаются друг от друга возрастом, профессией, социальным статусом, положением в обществе: восьмилетний Алеша из рассказа «Житейская мелочь» и молодой человек лет тридцати Кунин из рассказа «Кошмар»; судебный следователь («Следователь»), женщина легкого поведения Ванда («Знакомый мужчина») др.

В «рассказах открытия» иначе решается и тема «маленького человека». В таких рассказах, как «Тапер», «Хористка», «Вра-

ги», «маленький человек» – труженик или бедняк сталкивается с неуважительным, хамским обращением к себе со стороны «хозяина». В отличие от рассказов первой половины 1880-х годов, сейчас чеховский «маленький человек» взят в особый момент: «он занят осмыслением жизни, своего положения в ней, переходит от одного набора представлений к другому и выступает, таким образом, как субъект познания» [Там же: 17].

Второй признак «рассказа открытия» – какой-нибудь **«пустячный случай»**, **«житейская мелочь»**, с которой сталкивается герой и которая дает толчок его сознанию.

Например, в рассказе «Следователь» случайный дорожный разговор приводит героя к осознанию его поступка. Спонтанный разговор Пети Рублева с хозяйской дочкой из рассказа «Тапер» приводит к оскорбительной реакции ее отца. В рассказе «Без места» парадоксальным для героя является то, с какой легкостью и без капли стыда нагло принимают взятки чиновники. Все эти, казалось бы, простые обыденные ситуации вызывают в сознании героя переворот, возмущение, переосмысление прежних ценностей и установок.

Третий элемент – **«открытие»** как «главное событие рассказа»: в результате столкновения с «житейской мелочью» «опровергается прежнее – наивное, или прекраснодушное, или шаблонное, или привычное – представление о жизни. Жизнь предстает в новом свете, открывается ее «естественный» порядок: запутанный, сложный, враждебный. <...> герой впервые задумывается» [Там же: 11].

Внутреннее единство данных произведений проявляется именно в открытиях, совершаемых героями. Петя Рублев, бывший студент консерватории, будучи тапером, играет за плату на вечеринках («Тапер»). На одном из таких мероприятий, забываясь, он разговорился с хозяйской дочкой. Тогда ему грубо напоминают, что он всего лишь прислуга. В сознании героя происходит открытие, разрушающее прежнее представление о жизни: он приходит к осознанию того, что человека можно унижить, оскорбить на основании социального неравенства, не воспринимая его как личность.

В рассказе «Переполох» (1886) гувернантка Машенька Павлецкая также всегда была уверена в том, что можно отстоять

свое достоинство и доказать свою порядочность. Но после того, как хозяйка учинила обыск в ее вещах по подозрению в краже, в душе героини поселяется постоянный «безотчетный страх» за себя и свою дальнейшую жизнь.

Свои открытия делают для себя певичка Паша из рассказа «Хористка», которая осознает всю беспомощность своего положения, отдав свои драгоценности жене любовника; восьмилетний Алеша из рассказа «Житейская мелочь» впервые встречается с обманом. Открытия героев сталкиваются с их идеальными представлениями, которые обнаруживают свою упрощенность, оборачиваются иллюзией.

Поэтому важнейшим жанровым признаком чеховского «рассказа открытия» становится **оппозиция «казалось – оказалось»** (внутренняя метаморфоза героя). Данное противопоставление помогает нам проследить переход от одного представления героя к совершенно другому.

В рассказе «Тапер» «Пете Рублеву «казалось», что он бедный, но образованный человек имеет честь разговаривать с дочкой своих нанимателей, но «оказалось»...» [Там же: 20] это не так. Машеньке Павлецкой («Переполох») казалось, что обыску могут подвергнуть человека только за участие «в каком-нибудь страшном деле», но оказалось, что в понимании ее хозяйки – это вполне нормальный поступок.

В. Б. Катаев справедливо утверждает, что ситуация открытия, перехода от «казалось» к «оказалось», – это «частное, хотя и весьма характерное проявление более широкой закономерности». В «рассказах открытия» осознание человеком жизни, его ориентация в окружающем мире является самостоятельным и главным объектом изображения.

Такой угол зрения на изображаемую действительность В. Б. Катаев называет гносеологическим, который стал одним из слагаемых нового типа художественного мышления. Так в «рассказах открытия» наметился новый подход, при котором основной интерес автора сосредоточен не столько на явлениях, сколько на представлениях о них, на путях формирования этих представлений, на природе иллюзии, заблуждения и ложного мнения.

Развязка «рассказа открытия», ставшая необходимым жанровым элементом, носит однотипный характер: герой впервые задумывается о своей жизни.

Новая мысль, сообщенная доктором следователю из рассказа «Следователь» ошеломила его, отравила – так кончается рассказ, оставив героя наедине со своими мыслями. В рассказе «Знакомый мужчина» развязка создает впечатление законченного счастливого конца, но на самом деле оставляет после себя след недоговоренности и удерживает читателя в напряжении. «Счастливая» развязка не разрушает композицию «рассказа открытия»: ведь открытия, которые совершают герои, в том и состоят, что жизнь прячет свою истинную, сложную и страшную сущность под обманчивой, часто веселой поверхностью.

Таким образом, опираясь на размышления В. Б. Катаева, мы можем сказать о важной роли и жанровой оригинальности «рассказа открытия» в творчестве Чехова. Его герой, оказавшийся в новых обстоятельствах, предстает окруженный сомнениями о своем положении в жизни, в его сознании происходит разрушение прежних истин. Герой задается вопросом, на который, возможно, и не существует ясного и твердого ответа. Именно «рассказ открытия» становится важнейшей ступенью на пути к дальнейшим социально-психологическим произведениям писателя.

Литература

1. *Бердников Г. А.* А. П. Чехов. Идейные и творческие искания. – 3-е, изд., дораб. – М.: Худож. лит., 1984. – 511 с.
2. *Катаев В. Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. – М.: Изд. Моск. гос. ун-та, 1979. – 326 с.
3. *Линков В. Я.* Художественный мир Чехова. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1982. – 128 с.
4. *Соболев Ю. В.* Чехов. – М.: Журн.-газ. изд-во, 1934. – 336 с.
5. *Сухих И. Н.* Проблемы поэтики Чехова. – Л.: Изд. Лен. ун-та, 1987. – 184 с.
6. *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. – М.: Наука, 1971. – 292 с.